

— Всё в порядке, староста, предоставь это мне. — Приведя всё в порядок, Сяо Лю проводил старосту, придвинул стул и сел рядом с Сяо Ваном, проведя ему простой осмотр.

— Ничего, возможно, просто испугался.

— Извини, что опять пришлось убирать за мной, это же так грязно...

— Врач и боится грязи... Разве ты сейчас не пишешь детективные рассказы? Рвотные массы, выделения — всё это объекты обязательного осмотра...

Увидев, как Сяо Ван помрачнел, Сяо Лю тут же замолчал.

— Сяо Лю. — Сяо Ван схватил Сяо Лю за руку:

— Ты ведь считаешь меня ни на что не годным? Я студент-медик, а боюсь мёртвых.

— Страх смерти — это естественный инстинкт людей. У меня он тоже есть, просто менее заметен. Но я думаю, у тебя наверняка есть более глубокая причина. — В ответ Сяо Лю сжал руку Сяо Вана и похлопал по ней:

— Дам тебе свой метод: смотри на усопшего просто как на кусок мяса, так будет легче.

— Мясо?? Это довольно необычный подход... погоди, а до того, как ты поступил в медучилище, как у тебя была возможность видеть такое?

— Я и сам не знаю. В тот период времени я был словно одержим. Но именно тогда... жена доктора Мина, тётушка Мин, была судебно-медицинским экспертом. — Сяо Лю серьёзно кивнул:

— Мы жили в маленьком городке, там был всего один такой эксперт.

— Не переводи тему, ты ещё не сказал, как ты видел мёртвых... — Не в силах сейчас поражаться тому, как редко в те времена встречались женщины-криминалисты, Сяо Ван больше интересовало, почему Сяо Лю так часто видел покойников.

— В первый раз это случилось в детстве, когда одноклассники столкнули меня в канаву, и я на ощупь вытащил брошенный труп — уже в стадии гигантского вздутия. На ощупь он был как размоченное водой мыло, мягкий и липкий, наверное, это было омыление... Во второй раз старшеклассники закинули меня в заброшенный деревенско-городской квартал, чтобы поиздеваться, и в одном из домов я обнаружил повешенную женщину... На полу была разная непонятная масса, сейчас думаю, если это не было посмертное недержание, то, вероятно, выпавшие внутренности...

— погоди? Над тобой издевались, и никто не вмешался?? И ты не рассказал учителям?? — Не дав Сяо Лю договорить, Сяо Ван не выдержал.

— Потому что мой отец был плохим человеком. Издеваться над сыном плохого человека — это справедливо. — Сяо Лю говорил легко, но Сяо Ван слушал с трепетом. Видимо, это как в той поговорке: если трое обижают одного — это травля, если тридцать тысяч обижают одного — это справедливость.

— Значит, то, что ты сейчас так спокойно и хладнокровно смотришь на мёртвых, возможно, тоже результат травматической реакции?

Сяо Лю кивнул:

— Я тоже так думаю. Но я не вижу в этом проблемы. Это не только не мешает жизни, но даже помогает мне сейчас.

Сяо Ван погладил руку Сяо Лю — большую, но из-за худобы, костистую и сексуальную. — А потом они ещё издевались над тобой?...

— Потом... Потом по соседству с местом, где я жил, было медицинское училище. Тогда каждое утро, около шести часов, группа старших ребят таскала меня на спортивную площадку. Они играли в футбол, а я присматривал за их вещами...

— И ты не сопротивлялся??

— А зачем сопротивляться.

— Но это же травля...

— Я же сказал: избивать ребёнка плохого человека — разве кто-нибудь увидит в этом проблему? Нет, никогда. Все оставались безучастными наблюдателями, даже я сам считал, что так и должно быть. — Улыбка Сяо Лю была горьковатой. Со временем Сяо Ван научился различать разные значения мимики Сяо Лю. Вспоминая прошлое, хоть и болезненно, но способный говорить о нём, он улыбался; когда был очень зол, его лицо становилось бесстрастным. В обычной жизни, хотя лицо также оставалось бесстрастным, взгляд был мягким.

Возможность уловить тонкие различия на лице человека с такой небогатой мимикой, как у Сяо Лю, была для Сяо Вана пределом его умений.

— К тому же, те ребята были... неплохими. В конце концов, за присмотр за вещами они покупали мне завтрак. Наверное, ты считаешь, что я был бесхарактерным, раз поступал так ради еды. — Произнеся это, Сяо Лю сам смутился:

— Позже мы узнали, что в одноэтажном здании в углу площадки медицинского училища находился морг, там хранились учителя. Один раз мяч попал в вентилятор того морга и сломал его. И те ребята заставили меня пойти внутрь и найти мяч...

— И тогда ты увидел самых разных... учителей...

— Угу, их тоже можно назвать учителями, но не такими, как сейчас. Ты же знаешь, раньше после расстрела преступников их тела сразу отправляли в медицинские училища в качестве наглядных пособий для анатомирования. Я очень хорошо помню один труп: пуля вошла в область венечного шва, всё лицо было разворочено. — Сяо Лю показал жестом.

И именно этот жест пробудил в сознании Сяо Вана давно забытое воспоминание.

Картина была смутной, но Сяо Ван слышал плач, чёрный гроб и развевавшиеся снаружи белые бумажные ленты.

Наконец Сяо Ван вспомнил корень своего страха перед смертью.

В детстве его суровый отец возил его в другой город посмотреть на расстрел.

Это произошло не в их родном городе, а во время командировки отца, когда они случайно

стали свидетелями казни, и отец остановился, чтобы Сяо Ван прочувствовал. В те времена многие казни ещё были публичными. Преступник вставал на колени лицом к стене, на голову надевали чёрный мешок, и стреляли в затылок. Часто за пределами места казни выстраивались целые процессии плакальщиц, ожидающих, чтобы сразу после смерти забрать тело для погребения. Конечно, было и много тех, чьи тела не забирали, и их в итоге отдавали больницам — тоже своего рода использование по назначению.

— Если вырастешь и будешь плохо себя вести, в будущем тебя тоже ждёт такая пуля!

Эта фраза отца иногда всплывала в памяти, как и картина того, как кровь просачивалась сквозь чёрную ткань. Но следующая сцена стала для Сяо Вана кошмаром: отец приказал снять чёрный мешок, и там, где должна была быть целая голова, оказалось нечто, похожее на разбитый арбуз.

Кости, кожа головы, мозговая каша — всё было разбросано вокруг. Вид этой размозжённой головы неделями не давал Сяо Вану спать, ему казалось, что стоит закрыть глаза, и этот обезглавленный труп придёт за ним.

При этой мысли у Сяо Вана снова заныл желудок. Если бы не присутствие Сяо Лю, он бы наверняка вырвал.

С трудом подавив тошноту, Сяо Ван невольно усмехнулся:

— У тебя и вправду крепкие нервы...

— Не будешь крепким — не выживешь. Ничего не поделаешь. Но, к счастью, это ты. Если бы я сказал такое кому-то другому, наверное, все подумали бы, что я извращенец. — Увидев, что Сяо Ван весь покрылся холодным потом, Сяо Лю почувствовал неладное и спросил:

— Ты точно в порядке?

— Ничего, правда ничего... просто вспомнилось кое-что неприятное. — Горько улыбнувшись, Сяо Ван почувствовал себя очень уязвимым. Его так пугает просто вид мёртвого тела, а что же пережил Сяо Лю?

Подумав так, Сяо Ван покачал головой:

— Если хладнокровное отношение к трупам — это извращение... то разве я не... заслуживаю смерти? Ведь у меня такие странные сексуальные предпочтения...

— Сексуальные предпочтения?

— Ну, например, фетиш на посторонние предметы...

— О, я считаю, что если это не мешает другим и не нарушает закон, то всё это личное дело каждого...

— Ладно, теперь ты знаешь мою тайну, быстро делись своей. Расскажи, есть у тебя какие-то особые предпочтения в этой сфере?

— Ну, скажи, что тебе нравится. Какие ожидания от партнёра?

Сяо Лю моргнул, задумался, затем вдруг протянул руку и ухватил Сяо Вана за талию, сильно сжав. Сяо Ван взвыл и подпрыгнул.

— Мне очень нравится такая талия — очень тонкая, но с мышцами.

Сяо Ван никак не мог понять, как такие откровенные слова в устах такого человека, как Сяо Лю, могли звучать совершенно естественно. Возможно, потому что все заранее навесили на отличника ярлык «сексуально холодного», поэтому всё, что он говорит, кажется безобидным?

В то время ещё не было термина «поясница гончей», и хотя описание не совсем точное, Сяо Ван уловил смысл. Непонятно почему, но то, чем он когда-то гордился — своей фигурой, — из уст Сяо Лю заставляло его особенно смущаться.

Пристыженный и раздражённый, Сяо Ван схватил с изголовья подушку и начал бить, приговаривая:

— Бесстыдник!

Сяо Ван успел ударить всего несколько раз, как увидел в дверях инструктора с открытым от изумления ртом.

В тот вечер, перед отбоем, на глазах у всего общежития, Сяо Ван и Сяо Лю, плечом к плечу, как братья, сделали по двести отжиманий каждый, а инструктор, заложив руки за спину, громко отсчитывал: «Раз, два, три, четыре...».

На следующее утро, не знаю, как чувствовал себя Сяо Лю, но во время утренней пробежки у Сяо Вана болела поясница... Сильно болела... Сильнее, чем после того, как тебя трахнут всю ночь...

<http://bllate.org/book/15613/1393929>